

Александр Ярошевич

Национальный художественный музей Республики Беларусь, Минск

Белорусские житийные иконы и их агиографические источники

Объектом исследования являются белорусские житийные иконы XVII–XVIII столетий. Цель – обзор сохранившихся житийных икон, анализ их сюжетного содержания и литературных первоисточников, особенности иконографии и композиции. Метод исследования – иконографический, иконологический, сравнительный анализ.

Ключевые слова: Белоруссия, иконопись, житийные иконы, иконография, агиография, жития святых, Иосиф Петкевич, пророк Илья, св. Параскева, Онуфрий Великий, св. Николай Чудотворец.

Взаимодействие литературы и изобразительного искусства уже давно исследуется европейскими и российскими историками культуры. Много внимания этой проблеме уделял Дмитрий Сергеевич Лихачев, инициатор подготовки и ответственный редактор двух специальных томов *Трудов Отдела древнерусской литературы*, посвященных этой проблеме (1966 и 1985 гг.). Он рассматривал ее как необходимую часть историографии культуры, указывая на труды таких классиков гуманитарной науки как Арнольд Тойнби и Йохан Хейзинга. Проблема имеет несколько аспектов, один из них – поиск литературных источников произведений.

Для иконописи такими источниками являлись Священное Писание и описание «биографий» святых в Прологах и Минеях. С первых веков существования христиане и на Западе и на Востоке, продолжая античную традицию, записывали сказания о своих подвижниках и мучениках. Впоследствии и в Риме, и в Византии были составлены многочисленные сборники: мартирологи, месяцесловы, прологи (Евсевия Кесарийского, Иоанна Мосха, Григория Великого, Симона Метафраста и других авторов). Составители житий в последующие

века неизменно подчеркивали, что они черпали сведения из сочинений древних греческих и латинских авторов. Из греческих источников и на Востоке и на Западе были весьма уважаемы труды Симона Метафраста (X в.). На него, в частности, постоянно указывает Петр Скарга в своих *Żywoty świętych* (1579), ставших очень популярными в католических кругах Речи Посполитой. С 1643 г. в Антверпене ученые иезуиты (болландисты) начали издавать многотомные *Acta sanctorum* с текстами древних авторов. В 1529–1552 гг. архиепископ новгородский Макарий составил *Великие Четьи Минеи*; начиная с 1684 г., игумен Батуринского монастыря Дмитрий, впоследствии митрополит Ростовский, почти двадцать лет писал *Жития святых*, которые впоследствии многократно пересказывались и издавались, в том числе и в Могилевской братской типографии (1702)¹. Следует с сожалением отметить, что среди обильной латинской и кириллической литературы Великого княжества Литовского неизвестны житийные компендиумы, подобные трудам Дмитрия Ростовского или Петра Скарги. Можно указать лишь *Menologium Bazyliańskie, t. i. Żywoty świętych P. P. obojga płci z Zakonu S. B.*, составленный архимандритом Гродненского Коложского монастыря Игнатием Кульчинским (1707–1747), однако издан он был лишь в 1774 г. Тексты подобных сочинений и представляли иконописцам литературную основу житийных икон.

Если российские исследователи иконописи XVII–XVIII вв. испытывают трудности от изобилия литературной традиции, то источники белорусской редакции достаточно редки. Может быть, это является одной из причин того, что белорусские житийные иконы представляют большую редкость. В отличие от России, ни одна из них не изображает местного святого; неизвестны даже икона преподобной Евфросинии Полоцкой, хотя уже ранние тексты ее «Жития» давали прекрасную основу для изобразительного ряда. Только в наши дни появилась икона полоцкой святой с житием.

Уникальная по сюжету и наиболее ранняя (1631) из сохранившихся житийных икон описывает деяния святого Никиты (Костом-

¹ *Христианство: Энциклопедический словарь*, т. 1, Москва, 1993, с. 544–550.

лоты – до 1795 г. село в Берестейском повете). 14 повествовательных сцен по всему периметру окружают центральное поле с изображением святого Никиты в рост. Икона отличается высоким иконописным мастерством, близким по стилю к так называемой «малорытской» группе («Успение» из Олтуша, «Покров» и «Преображение» из Малорыты и др.)².

Из персонажей Ветхого Завета лишь деяния пророка Ильи нашли воплощение в белорусских иконах. Борьба библейского пророка с идолопоклонниками выразительно описана в III и IV Книгах Царств. Ситуация отступничества среди двенадцати колен Израилевых, когда лишь два из них сохранили верность – поклонялись истинному Богу, а десять поклонялись тельцам Ваала, в Речи Посполитой после Брестской унии 1596 г. современниками вполне могла отождествляться с разделением на православных и униатов. Сохранились три белорусские иконы Ильи Пророка с житием.

Обширный житийный цикл содержит икона Ильи Пророка первой половины XVIII в. из Браславского региона³. Композиционно в ней доминирует центральное поле, в котором представлена величественная поколенная фигура грозного пророка с жертвенным ножом в правой руке и свитком в левой. Тринадцать сюжетных сцен расположены типично для белорусских житийных икон: вдоль боковых и нижнего краев. Начало жития – «Илья молится и пророчествует» (3 Царств. 17:1-3) находится вверху левого ряда; далее повествование следует «против часовой стрелки»: 2 – вороны приносят пищу Илье в пустыне (3 Царств. 17:6), 3 – пророк просит воды и хлеба у вдовы в Сарепте (3 Царств. 17:10-14), 4 – Илья воскрешает сына вдовы (3 Царств. 17:17-24), 5 – Илья, посрамив жрецов Ваала, низводит огонь с неба на свой жертвенник (3 Царств. 18: 20-39), 6 – Илья казнит жрецов-«балвохвалцов» (3 Царств. 18:39-40), 7 – испустив дождь, пророк уходит от «короля» Ахава (3 Царств. 17:41-46), 8 – небесный

² *Katalog zabytków sztuki w Polsce*, t. VIII: *Województwo lubelskie*, z. 2: *Powiat Biała Podlaska*, red. i opr. K. Kolendo-Korczakowa, A. Oleńska, M. Zgliński, Warszawa, 2006, s. 142.

³ А. Ярашэвіч, *Мастацтва Браслаўшчыны – Памяць. Гісторыка-дакументальная хроніка Браслаўскага раёна*, Мінск, 1998, с. 622–624.

огонь сжигает войско пятидесятника царя Охозии (4 Царств. 1:9-10), 9 – третий пятидесятник поклоняется пророку (4 Царств. 1:13-15), 10 – Илья уводит Елисея с пашни (3 Царств. 19:19-21), 11 – Илья и Елисей посуху переходят Иордан на пути в Вефиль (4 Царств. 2:4-8), 12 – Илья вознесен на небо (4 Царств. 2:9-12), 13 – Елисей, возвращаясь, разделяет воды (4 Царств. 2:13-14).

Икона 1730-х гг. (Национальный художественный музей Беларуси), происходящая из села Ленин, принадлежит к слущкому региону (историческому княжеству), который благодаря владельцам Радзивиллам протестантской Биржанской ветви представлял один из немногих островков православия в Белоруссии в этот период. Пророк представлен в рост, в длинном зеленом хитоне и охристом гиматии, с жертвенным ножом и развернутым вверх свитком в руках. По бокам огромной фигуры пророка расположены шесть овальных клейм, совершенно живописных: 1 – знамение при рождении Ильи, 2 – кормление Ильи в пустыне вороном, 3 – изображение утрачено; вероятно, было представлено воскрешение сына Сарептской вдовы, 4 – низведение небесного огня на жертвенник Ильи, 5 – переход пророка посуху через Иордан, 6 – вознесение Ильи на небо⁴. Первый эпизод, которого нет в описанной выше браславской иконе (видение его отцу «бело-образных мужей», которые пеленали младенца огнем и кормили его, влагая в уста будущего пророка «пламень огненный»), характерен для православной агиографии. Его не находим, например, в знаменитых *Житиях святых* иезуитского автора Петра Скарги. Это, а также кириллическая подпись с именами заказчиков подтверждает происхождение иконы из православной церкви. Кроме того, согласно описям (визитам) униатских храмов 1759 и 1784 гг. ни в Борке, откуда икона поступила в музей, ни в Ленине в XVIII в. униатских храмов не было.

Из раннехристианских святых мучеников в Белоруссии житийными иконами известна св. Параскева Пятница, которая жила в Иконии и пострадала при римском императоре Диоклетиане. За от-

⁴ *Жывапіс барока Беларусі*, аўтар тэксту і укладальнік Н. Ф. Высоцкая, Мінск, 2003, с. 162–163.

каз поклониться языческим богам она претерпела жесткие мучения и, наконец, была усечена мечом. Икона Параскевы 1659 г. из Бездежа на Пинском Полесье – один из самых впечатляющих шедевров белорусской иконописи⁵. Исследователям пока что не удалось найти сведений о ее мастере, несмотря на вкладную подпись полууставом с датой и именем дарителя: «НАДАНЪ БЫСТЬ СЕЙ ОБРАЗЪ СТОИ ПАРАСКОВЕИ НА ЧЕСТ И НА ХВАЛУ БГУ РАБОМЪ БОЖИМЪ АНТОНОМЪ САНЬКОВИЧЕМЪ РОКУ 1659». Может быть, иконописец принадлежал к недостаточно изученному пинскому художественному кругу. В археографических актах 1680 г. упоминается пинский купец Антон Санькович⁶. Вероятно, он был уроженцем Бездежа, потому что инвентарь местечка 1677 г. указывает в нем три двора Санковичей: Семена с сыновьями Павлом и Демьяном, Хвесья (Хведора) с сыном Павлом и Остапа⁷.

Поле иконы окружено рамкой, расписанной арабесковым орнаментом, с изображением вверху Бога Отца. Живописное пространство разделено на восемь частей почти равной ширины: в среднем изображена святая в рост, в белом платье, далматике и пурпурном плаще, ангелы поддерживают корону над головой мученицы. Семь замечательных житийных сцен большого формата с развернутыми композициями, представляющие мучения Параскевы, занимают вовсе не второстепенное место в иконе. Содержание их раскрыты выразительными подписями: 1 – «святую ведоша в темницу», 2 – «святую приведоша пред анфиата», 3 – «святую жилами бьют», 4 – «святая игемону плюну в лице», 5 – «святая страдает христа ради», 6 – «святая покруши идолы», 7 – «святую усекноша». Расположены сюжеты, начиная с верхнего левого угла против хода часовой стрелки, в основном, следуя житийной хронологии событий. Шестиконечный крест в руке святой, шляхетские костюмы и прически мучителей Параскевы

⁵ *Жывапіс Беларусі XII–XVIII стагоддзяў*, аўтар уступнага тэксту Н. Ф. Высоцкая, Мінск, 1980, с. 43–45.

⁶ Э. Вецер, Ю. Піскун, Прастора і час у старабеларускім жывапісе (на прыкладзе абраза 17 ст. «Параскева з жыціем»), *Мастацтва Беларусі*, 1991, № 4, с. 42–45.

⁷ МАВ RS, f. 43, b. 5712, *Inwentarz miasta Biezdziej*, с. 7–8.

свидетельствуют о православной ориентации художника либо, что более вероятно, заказчика Антона Саньковича, а изображения истязаний святой наводят на мысли о ужасах казацко-московско-польских войн середины XVII в.

Если Бездежская икона – это впечатляющее повествование, которое, в прямом смысле, можно читать как книгу (сюжеты клейм лаконично подписаны), то «Св. Параскева» из церкви в Песках Волковысского повета представляет собою монументальный алтарный образ. Он написан на основе из дерева с первоначальными размерами не менее 150 x 120 см⁸. Величественная фронтальная поясная фигура святой занимает почти все живописное поле. Небольшие житийные клейма в форме кругов не отделены четко от изображения в центральном поле, как обычно бывает в житийных иконах, но вписаны двумя вертикальными рядами в резной орнаментальный фон. Такая композиция характерна для алтарного образа «Богоматерь Розария». Изображение Параскевы традиционно для святой мученицы: каноничный жест рук, фронтальность, цвета одежда (пурпурный мафорий, зеленая туника с золотой каймой). Однако лик святой мученицы поражает цветущей земной красотой. Житийные сцены на иконе из Песков (их было 12) сейчас идентифицировать непросто, т. к. предельно лаконичные по композиции, они к тому же наполовину уничтожены. Можно определить сцены истязаний святой свечами и жилами, спор ее с правителем, казнь и погребение. Внизу иконы сохранилась поврежденная кириллическая подпись, в которой прочитывается дата 1646 г. и церковь Св. Параскевы. В XVII в. Пески перешли в руки Сапегов в составе Волпенского староства, которое было приобретено в 1624 г. Львом Сапегою для сына Казимира Льва, впоследствии вице-канцлера ВКЛ и известного мецената. Примечательно, что в том же 1646 г., когда была написана «Св. Параскева», Сапега основал костел бернардинцев в Друе и приходской костел в Дятлово, а также завещал свои владения Александру Полубинскому и Казимиру Яну Сапеге. Видимо, он же подарил замечательную алтарную икону в церковь Св.

⁸ Музей старажытнабеларускай культуры, Мінск, 2004, № 27.

Параскевы, известную в Песках с начала XVII в. По художественному стилю она представляет узор синтеза канонической иконописи и ренессансной живописи. Однако житийные сюжеты обеих икон бесспорно основаны на текстах из православных менологиев, т. к. *Жития святых* Петра Скарги вообще не содержат сведений ни об одной из трех святых Параскев, фигурирующих в православных месяцесловах.

В Западной Руси св. Онуфрий известен с XII в., в 1462 г. по заказу новгородского епископа Ионы серб Пахомий Логофет составил текст службы преподобному. В конце XV в. православные Онуфриевские монастыри возникли на белорусских землях под Мстиславлем и в Яблочине под Берестьем. Но подлинная популярность египетского пустынноика в XVII–XVIII вв., скорее всего, была принесена в Речь Посполитую базилианами из Рима, где после крестовых походов появились мощи святого. Центрами его прославления стали базилианские монастыри, при их храмах возникали братства, отдельные алтари. Канонической иконографией стало изображение Онуфрия как почти нагого пустынноика-аскета, обросшего донизу бородой, в набедренной повязке из листьев.

Житие св. Онуфрия, написанное настоятелем Бытеньского монастыря Иосифом Петкевичем, в 1686 г. было напечатано на польском языке в виленской иезуитской типографии⁹. В 1696 г. в Супрасле вышло белорусское кириллическое «Житие преподобного отца нашего Онуфрия, царевича персидского» того же И. Петкевича, к тому времени ставшего игуменом Жировицкого монастыря¹⁰. В качестве первоисточника И. Петкевич называет сочинение некоего итальянского автора, не указав его имени, а также другие книги, в том числе и рукописные фрагменты, при этом он добавляет свои обширные комментарии. В книге в качестве автора в обоих изданиях указан

⁹ Pafnucyusz, mnich, *Zywot przedziwny św. oycy naszego Onufrego wielkiego krolewicza perskiego pustelnika napisany po grecku od S. Pafnucyusza mnicha...*, Wilno, 1686. (Отдел редкой книги и рукописей Фундаментальной Библиотеки Национальной Академии Наук Беларуси, д. 16–18 /№ 590).

¹⁰ *Житие преподобного отца нашего великого Онуфрия, царевича персидского*, издал Иосиф Петкович, игумен жировицки, Супрасль, 1696.

«епископ Фебанский Пафнутиус», однако современный исследователь книжной культуры Подляшья Юрий Лабынцев справедливо называет труд Петкевича самобытным произведением старобелорусской литературы. Основные эпизоды жития св. Онуфрия описаны Игнатием Кульчинским в указанном выше *Менологиуме базилианском*¹¹; текст краткой редакции находится в *Житиях святых* Дмитрия Ростовского. Книга И. Петкевича на полстолетия опередила ряд изданий середины XVIII в. в разных городах Королевства Польского на польском, немецком и французском языках, приуроченных к появлению мощей святого в Кракове.

Житие сообщает, что Онуфрий родился в семье персидского царя Нарсита около 320 г. во времена императоров Констанция и Валента. Но дьявол в виде странника явился к царю и подговорил свергнуть младенца в огонь, чтобы испытать законность его рождения. Однако огонь не повредил ребенка, и ангел Господень повелел царю отвезти дитя на воспитание в Эритский монастырь. По дороге лань бежала впереди, указывая путь, кормила дитя молоком и оставалась для этого при монастыре три года. Пребывание юного Онуфрия в монастыре ознаменовано трогательным чудесным эпизодом: молясь перед иконой Богоматери с младенцем, он приносил булочки Иисусу, а позже, в трудные времена, просил у Иисуса хлеба для братии. Когда Онуфрию исполнилось 12 лет, он вслед за огненным столпом ушел в пустыню, где провел в пещере 30 лет и питался тем, что приносил ангел, а в следующие 30 лет – плодами выросшей финиковой пальмы и водой из родника. По воскресеньям ангел спускался с небес и причащал отшельника. Все это пустынный рассказал пришедшему к нему Пафнутию, а на следующий день преставился. Могила ему в каменистой почве вырыли когтями львы. Пафнутий хотел остаться там же, но свыше ему было предназначено вернуться в Египет, чтобы поведать о неизвестных пустынных Фиваиды.

¹¹ *Menologium bazylikańskie, t. ij. Żywoty świętych [...] zebrane i napisane przez J. X. Ignacego Kulczyńskiego*, t. 1, Wilno: Typ. Bazyljan, 1771, s. 453.

Несмотря на фольклорно-занимательную, хотя и легендарную, биографию преподобного, житийных икон Онуфрия сохранилось чрезвычайно мало. Из литературы известны лишь две: греческая, с острова Патмос, с восемью сюжетами (XVII в.)¹² и русская – из Соловецкого монастыря с четырнадцатью эпизодами жития (первая четверть XVIII в.)¹³, а также утраченная икона из Мелецкого монастыря на Волинии¹⁴. Белорусская икона Святого Онуфрия с житием XVIII в. (Национальный художественный музей Беларуси) происходит из кладбищенской церкви в с. Хотислав (под Брестом). Этот алтарный образ значительных размеров, видимо, исторически связан с Яблочинским Онуфриевским монастырем, старинным паломническим центром Берестейщины. В среднике представлена крупная полуобнаженная фигура св. Онуфрия в рост, с четками в молитвенно сложенных руках и посохом; по сторонам его стоят пальмы и крест. В иконе из Хотислава так же, как в Соловецкой и Мелецкой, четырнадцать житийных сцен; расположены они по трем сторонам центрального поля, как это характерно для белорусских икон. Восемь сюжетов составляют внизу два ряда, в верхнем из них начинается рассказ с «Рождества Онуфрия» (1); эта необычная топография иконы, а еще более стиль живописи, характеризует иконописца как художника времени рококо, не повторившего привычную каноническую схему. Следующие сюжеты находятся уже в левом ряду: «Оговор младенца пришельцем перед царем» (2), «Испытание младенца огнем» (3), «Крещение Онуфрия» (4), «Путь царя с младенцем Онуфрием в монастырь» (5). Рассказ переходит в правый ряд – «Оставление Онуфрия в монастыре» (6), «Онуфрий приносит хлеб Иисусу на иконе» (7), «Онуфрий получает от Иисуса хлеб» (8), «Уход Онуфрия в пустыню» (9), «Онуфрия наставляют пустынник»

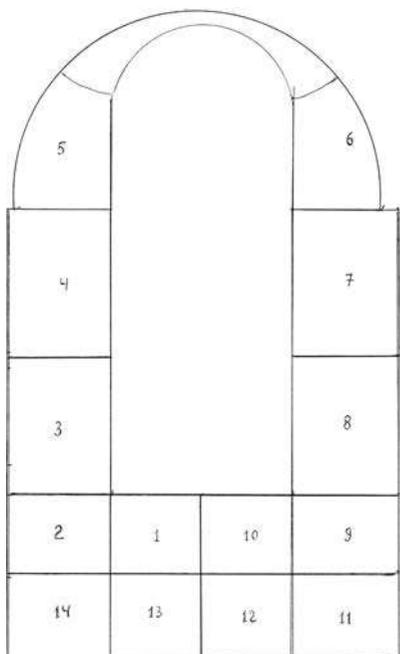
¹² *Энциклопедия православной святости*, т. 2, авторы-составители А. И. Рогов и А. Г. Парменов, Москва, 2003, с. 55–57.

¹³ М. С. Трубачева, Икона «Онуфрий Великий» – памятник северной монастырской живописи петровской эпохи, *Памятники русского искусства. Исследование и реставрация*, Москва, 1987.

¹⁴ Т. Елісеєва, Образ Святого Онуфрія у волінському іконописі 18 ст., *Волинська ікона: дослідження та реставрація*, вып. 14, Луцьк, 2007, с. 74–75.

1. Св. Онуфрий с житием. XVIII в.

2. *Св. Онуфрий с житием.*
XVIII в. Размещение житийных
сюжетов, указанных в тексте

(10). Пребывания Онуфрия в пустыне в житийных сценах не отражено. Повествование возобновляется сценами «Приход Пафнутия» (11), «Беседа Онуфрия с Пафнутием» (12), «Кончина Онуфрия» (13) и заканчивается символическим изображением опустевшего скита Онуфрия с иссякшим источником и засохшей пальмой (14). Литературным первоисточником для иконы из Хотислава, без сомнения, стало виленское или супрасльское издание книги Иосифа Петкевича.

Одним из самых популярных святых в Белоруссии, как и во всем христианском мире, является Николай Чудотворец (из Мир Ликийских). В археографических актах XV и XVIII в. упоминаются две древние иконы с его «деяниями» и чудесами в Слуцке и Бресте, не дошедшие до нашего времени. Сохранились всего три житийные иконы середины XVIII в. Одна из них, из Слуцкого региона, вероятно, принадлежит, известному слуцкому мастеру Василию Маркияновичу, который обучался в иконописной мастерской Киево-Печерской лавры. Не случайно в композиции житийного ряда иконы Св. Николая заметны следы влияния гравюр Леонтия Тарасевича из Киево-Печерского Патерика. Центральное изображение святителя по пояс со всех четырех сторон обрамляют двенадцать житийных сюжетов в овальных рамках. На иконах из Минского¹⁵ и Могилевского соборов Св. Николай представлен в рост, житийные сцены (соответственно – восемь и шесть сюжетов) – в два симметричных ряда по краям иконы. Житие св. Николая изобилует многими чудесами при жизни и после кончи-

¹⁵ *Иканіс Беларусі XV–XVIII стагоддзяў*, с. 88–90.

ны, у заказчиков и иконописцев был широкий выбор, можно лишь отметить, как изображаемые чаще всего, сюжеты с чудесами: избавление от смертной казни невинных, спасение от бесчестия бедных девушек, спасение от потопления.

Из-за ограниченности исследуемого материала трудно сделать какие-либо обобщения; все же можно отметить, что: 1) для белорусской иконописи характерно небольшое число житийных сцен в иконе (6–8, редко 12–14), в русских иконах типичное число клейм 16–20 и более; 2) житийные иконы чаще встречаются в православных храмах, чем в униатских. Последнее можно объяснить эволюцией иконы в униатском храме к живописному алтарному образу для поклонения; традиционная же иконопись, как средневековое искусство, дольше сохраняет связь с литературными первоисточниками. В своей знаменитой книге *Осень Средневековья* Й. Хейзинга заметил:

Тот факт, что из подавляющего большинства литературных произведений того времени для нас улетучились всякий аромат и всякая прелесть, тогда как изобразительное искусство захватывает нас глубже, чем ему это когда либо удавалось в отношении современников, можно объяснить исходя из фундаментальных различий в воздействии изобразительного искусства и словесного творчества.¹⁶

Это наблюдение можно приложить к житийным иконам и их литературным источникам: в наше время древние агиографические труды читают немногие, но повествовательные житийные иконы в музеях вызывают заметно больший интерес посетителей.

¹⁶ Й. Хейзинга, *Осень Средневековья. Исследование форм жизненного уклада и форм мышления в XIV и XV веках во Франции и Нидерландах*, пер. Д. В. Сильвестрова, (сер. *Памятники исторической мысли*), Москва, 1988, с. 308.

Aleksandr Jaroševič

Baltarusijos šventųjų gyvenimo ikonos ir jų hagiografiniai šaltiniai

Santrauka

„Visi menai vienokiu ar kitokiu laipsniu pavaldūs žodžio menui – literatūrai“ (Dmitrijus Lichačiovas). Išliko visiškai nedaug XVII–XVIII a. Baltarusijos šventųjų gyvenimo ikonų, labai ribotas ir juose vaizduojamų šventųjų kiekis: tai šv. Mikalojus, šv. Paraskevija Piatnica, pranašas Elijas ir šv. Anupras. XIX a. literatūroje minimos ikonos, vaizduojančios šv. Jurgį Nugalėtoją su jo gyvenimo scenomis, iki mūsų dienų neišliko. Negausi ir hagiografinė literatūra, žinoma Baltarusijos žemėse nuo XIV a. Geriausiai jos pavyzdžiu galima laikyti Šv. Eufrosinijos Polockietės gyvenimą, bet šios šventosios gyvenimo scenų ikonos nežinomos. Tą patį galima pasakyti ir apie Abraomo Smolenskiečio gyvenimą. Vėlesni četja-menėjos, prologai, paterikonai (XV–XVIII a.) beveik netyrinėti tekstologiškai, todėl sunku vertinti jų baltarusišką variantą. Tradiciškai manoma, kad tai graikiškų sinaksarijų (šventųjų gyvenimų aprašymų) vertimai ar greičiau perpasakojimai, ką pabrėždavo ir patys autoriai-sudarytojai, dažniausiai kaip pirmąją nurodydami Simoną Metafrastą. Negausiuose savuose intarpuose aprašyti vietiniai šventieji: Eufrosinija Polockietė, Martynas Turietis, Vilniaus kankiniai (1406 m. Menėja su įdėtinu Soltano Soltanovičiaus įrašu). 1489 m. Kamianece parašyta Četja-Menėja, kurioje tyrinėtojai įvertino atidų požiūrį į senuosius pirmąją tekstus. XVI a. viduryje Naugardo metropolitas sudarė Četja-Menėjas, tikriausiai skaitytas ir Baltarusijos žemėse. XVII a. antroje pusėje sutrumpintai išversti Petro Skargos *Šventųjų gyvenimai*. XVIII a. labai išpopuliarėjo Dmitrijaus Rostoviečio *Šventųjų gyvenimai*, išleisti Kijeve (1689–1705), Mogilave (1702) ir Maskvoje (1767). XVIII a. pradžioje Abiejų Tautų Respublikos bazilijonai ėmėsi kurti savo paterikoną. Rusijos valstybiniame istorijos archyve Sankt Peterburge išliko nežinomo autoriaus rankraštis *Šventųjų bazilijonų gyvenimai*, paskirstyti visiems metams su redakciniais pataisymais. 1771 m. Vilniuje išleistas dvitomis *Bazilijonų menologijus, arba Šventųjų gyvenimai*, kuriuos surinko ir aprašė Ignacas Kulčinskis, į kurį įtraukti Rytų ir Vakarų krikščionių šventieji vienuoliai.

Puikus šventosios gyvenimo atvaizdo pavyzdys – Baltarusijos ikona „Šv. Paraskevija“ iš Bezdežo, nutapyta 1659 m.; centrinį kompozicijos lauką su šventosios figūra visu ūgiu iš trijų pusių juosia septynios jos gyvenimo scenos, pavaizduotos stambiu masteliu. Jų siužetai ir tvarka visiškai atitinka šventosios gyvenimo pasakojimą, tačiau šv. Paraskevijos Ikonijietės, gyvenusios IV a., kankintojai vilki XVII a. bajorų drabužius, primindami tarpkonfesinių kovų ir 1654–1667 m. karo dramatiškumą. Išplėtotų gyvenimo scenų turinį aiškina įrašai kirilika; ikona „skaitoma“ kaip knyga,

įspūdingesnė už hagiografinį prototipą. Šis atvaizdo ir literatūrinio šaltinio ryšys kilęs iš senos stačiatikių tradicijos. Priešingai, „Šv. Paraskevija“, sukurta 1646 m., susijusi su Kazimieru Leonu Sapiega, yra altorinis „gerbimui skirtas paveikslas“, būdingas Naujųjų laikų Europos sakraliniam menui. Jo sandara artima Rožinio atvaizdams, frontali šventosios figūra iki pusės užima beveik visą lauką, išilgai šoninių kraštų išta-pyti uždari miniatiūriniai skrituliukai su itin lakoniškais kompozicijomis.

XVIII a. Abiejų Tautų Respublikoje tapo ypač gerbiamas Egipto atsiskyrėlis šv. Anupras (IV a.). Jo *Gyvenimą*, kurį sudarė Bycenio vienuolino vyresnysis Juozapas Petkevičius ir aprobavo metropolitas Kiprijonas Žochovskis, 1686 m. lenkų kalba išleido Vilniaus jėzuitai, o 1696 m. Supraslės bazilijonai parengė baltarusišką variantą. Pratarinėje kaip pirminis šaltinis, neįvardijus pavadinimo, nurodyta itališka knyga ir kiti rankraštiniai tekstai; knygoje yra plačios nuorodos, liudijančios tekstologinį sudarytojo darbą. Antraštiniame lape pažymėtas vienuolis Pafnutijus – pirmasis šv. Anupro biografas, tačiau tyrinėtojai Petkevičiaus knygą laiko originaliu XVII a. pabaigos Baltarusijos hagiografijos paminklu. Petkevičiaus knyga (autorius parašėse pažymėjo 19 siužetinių epizodų) greičiausiai buvo žinoma dailininkui, sukūrusiam unikalų XVIII a. vidurio altorinį paveikslą „Šv. Anupras ir jo gyvenimo scenos“ iš Lietuvos Brastos apylinkių. Jame yra 14 šventojo gyvenimo scenų, 8 jų išdėstytos dvejomis eilėmis išilgai apatinio krašto; toks neįprastas komponavimas be jrašų ap-sunkina scenų aiškinimą ir jų lyginimą su literatūrinio šaltinio epizodais.